

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Ломоносовская комиссия Президиума
Санкт-Петербургского научного центра
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова

ЛОМОНОСОВ

СБОРНИК СТАТЕЙ
И МАТЕРИАЛОВ

Х

Ответственные редакторы
академик Г. Ф. Терещенко и профессор Э. И. Колчинский

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2011

УДК 001
ББК 72.3
Л75

Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. X / Отв. ред. академик **Г. Ф. Терещенко** и профессор Э. И. Колчинский. — СПб.: Наука, 2011. — 467 с.

ISBN 978-5-02-025619-4

Сборник приурочен к 300-летию со дня рождения великого русского ученого и гражданина М. В. Ломоносова (1711—1765). Он содержит статьи, в которых на основе обширного материала по истории отечественной науки и культуры XVIII в. освещаются самые разные стороны энциклопедической деятельности ученого, его научное и литературно-поэтическое творчество. Статьи основаны в основном на неопубликованных или малоизвестных материалах, которые приоткрывают многие факты не только биографии ученого, но и истории Академии наук XVIII в., освещают достижения его в области физики и химии, рассматривают экономические и исторические взгляды, показывают его вклад в становление горных наук, российской картографии, медальерного искусства и журналистики, дают представление о тех, кто окружал М. В. Ломоносова, с кем он был связан или совместно работал, кто, как и он, стоял у истоков отечественной науки, культуры и просвещения.

Lomonosov: Collected essays and documents. Vol. X / Edited by Academician **G. F. Tereshchenko** and Professor E. I. Kolchinsky. — St. Petersburg: Nauka, 2011. — 467 p.

ISBN 978-5-02-025619-4

The volume celebrates the 300th birthday anniversary of Mikhail Lomonosov (1711—1765) — a great scholar and a great citizen of Russia. The papers are based on vast materials dealing with the history of the eighteenth-century Russian science and culture; they consider various aspects of scholar's encyclopaedic pursuits, his contribution to science, literature and poetry. The papers are based on relatively unknown materials, which elucidate many facts concerning not only the scholar's biography but also the history of the Academy of Sciences in the 18th century, and throw light on Lomonosov's contribution to physics, chemistry and literature. The authors consider his views on economy and history, and explicate his impact on the advancement of mining, cartography, medal art and journalism. The papers improve our understanding of Lomonosov's social milieu, his contacts with those figures who were instrumental for the advancement of Russian science, culture and public enlightenment.

Редакторы-составители:

Т. М. Моисеева, д-р ист. наук *Г. И. Смагина*

Рецензенты:

чл.-кор. РАН *И. И. Елисеева*,
д-р тех. наук, проф. *С. Ф. Свиньин*

*Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации Санкт-Петербурга
и Санкт-Петербургского научного центра РАН*

© Санкт-Петербургский филиал Института
истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН, 2011
© Коллектив авторов, 2011
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2011

ISBN 978-5-02-025619-4

Е. М. МАТВЕЕВ

**«СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ»
М. В. ЛОМОНОСОВА КАК ПРИМЕР СВЕТСКОГО
ПРОЗАИЧЕСКОГО ПАНЕГИРИКА СЕРЕДИНЫ XVIII в.**

В существующей научной литературе, в которой затрагиваются проблемы русской ораторской прозы XVIII в., встречается мнение о том, что создателем русской светской ораторской прозы был М. В. Ломоносов. Так, например, П. Н. Берков писал: «Ломоносову принадлежит честь создания ораторского искусства, точнее, русского светского ораторского искусства»¹. Между тем если проследить историю развития русской ораторской прозы, то окажется, что еще в литературе древней Руси (в XII в.) существовала светская ораторская проза — ораторские произведения, написанные светскими лицами и никак не связанные с ситуацией церковного богослужения. Один из крупнейших исследователей древнерусской литературы И. П. Еремин писал: «„Золотой век“ древнерусского красноречия — XII в., уже в XIII—XIV вв. этот род литературы приходит в упадок (...) В XI—XII вв. перед нами иная картина: красноречие занимает одно из первых мест в литературе; ораторские жанры — ведущие жанры в литературном обиходе; полной жизнью живет и развивается красноречие не только церковное, но и светское»². Далее Еремин приводит традиционную классификацию ораторских произведений: «Все дошедшие до нас памятники *церковного и светского* (курсив наш. — Е. М.) красноречия Киевской Руси по содержанию своему и по форме четко делятся на два разряда: памятники красноречия *дидактического* и памятники красноречия (...) *эпидиктического* (торжественного)»³ (произведения первого типа традиционно назывались «беседами» или «поучениями», для текстов второго типа использовался термин «слово»). Однако, рассматривая конкретные примеры древнерусского ораторского искусства, И. П. Еремин не упоминает ни одного произведения светского эпидиктического красноречия; примеры ораторских произведений, написанных светскими авторами, содержатся только в разделе, посвященном красноречию дидактическому (например, «Поучение» Владимира Мономаха). С большой долей вероятности можно предположить, что светских торжественных слов в древнерусской литературе не было — светская

¹ Берков П. Н. М. В. Ломоносов об ораторском искусстве // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник ст. М., 1956. С. 71.

² Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 65.

³ Там же. С. 65—66.

ораторская проза существовала еще в древнерусской литературе как проза дидактическая, а торжественное красноречие имело только одну разновидность — церковную.

Качественно новый период развития русской литературы, существенным образом повлиявший на развитие светского красноречия XVIII столетия, — это вторая половина XVII в., эпоха, которую Л. И. Сазонова назвала «ранним Новым временем»⁴. Однако и в этот период, и в Петровскую эпоху, несмотря на бурное развитие различных жанров панегирической литературы, светское торжественное слово так и не появляется. Светский панегирик в форме торжественного слова — это, безусловно, открытие середины XVIII в. Но совершил это открытие вовсе не М. В. Ломоносов, как полагал П. Н. Берков. Перед нами очередной пример присвоения Ломоносову «наград» за заслуги В. К. Третьяковского. Первый из известных прозаических панегириков, написанных светским лицом, является незаслуженно забытый многими исследователями русской ораторской прозы XVIII в. панегирик В. К. Третьяковского — «Панегирик, или Слово похвальное Всемилощивейшей Государыне Императрице Самодержице Всероссийской Анне Иоанновне чрез всеподданнейшаго Ея Величества раба Василья Третьяковского сочиненное, и Ея Императорскому Величеству в день Тезоименитства Ея поднесенное февраля в 3 день 1732 года. Ныне же повелением Ея Императорскаго Величества напечатанное в Санктпетербургской Типографии Академии Наук».

Такая «несправедливость» по отношению к Третьяковскому неслучайна, так как все же именно Ломоносов (а не Третьяковский), по сути, вывел русскую светскую ораторскую прозу XVIII в. на качественно новый уровень. По словам А. С. Елеонской, панегирики Ломоносова «возвращают (...) к лучшим образцам античного искусства»⁵. И этот особый вклад Ломоносова в развитие светской ораторской прозы ощущался на протяжении всего XVIII столетия: «российский Пиндар» в литературном сознании XVIII в. был также и «российским Цицероном»⁶.

В творчестве М. В. Ломоносова ораторская проза занимает важнейшее место; с 1749 по 1764 г. им написано восемь ораторских слов:

— два похвальных слова (панегирика) — «Слово похвальное Елизавете Петровне» (1749) и «Слово похвальное Петру Великому» (1755),

— четыре академические речи научной тематики — «Слово о пользе химии» (1751), «Слово о явлениях воздушных» (1753), «Слово о происхождении света» (1756), «Слово о рождении металлов» (1757),

— два благодарственных слова — «Слово благодарственное Елизавете Петровне на торжественной инаугурации Санктпетербургского университета говоренное» (1760), «Слово благодарственное на освящение Академии художеств» (1764).

История создания первого ораторского произведения Ломоносова — «Слова похвального Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете

⁴ См.: Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

⁵ Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М., 1990. С. 222—223.

⁶ Ср., например, стихотворение Г. Р. Державина «К портрету Михаила Васильевича Ломоносова»: Се Пиндар, Цицерон, Вергилий — слава россов, / Неподражаемый, бессмертный Ломоносов. / В восторгах он своих где лишь черкнул пером, / От пламенных картин поныне слышен гром (Державин Г. Р. Сочинения. М., 1985. С. 28).

Петровне» — хорошо известна. Согласно регламенту Академии наук 1747 г., каждый год в Академии должно было происходить три публичные ассамблеи. Однако только в январе 1749 г. появилось распоряжение президента Академии наук К. Г. Разумовского об организации первой такой ассамблеи, которая приурочивалась ко дню именин императрицы Елизаветы Петровны и назначалась на 6 сентября 1749 г. Г. Ф. Миллеру поручалось прочитать на ассамблее «сочинение об ученой материи», а Ломоносову — похвальную речь императрице. Речь Ломоносова была уже напечатана в Академической типографии, когда неожиданно было принято решение перенести ассамблею на конец ноября и приурочить ее к годовщине восшествия императрицы на престол. В связи с этим Ломоносову пришлось внести в свое слово ряд незначительных изменений (в том числе изменить и название). 26 ноября Ломоносов выступил на ассамблее с речью, и Разумовский преподнес ее печатный вариант императрице. Успех этого первого ораторского произведения Ломоносова был огромен: при жизни писателя оно издавалось еще четыре раза (1749, 1751, 1755, 1758)⁷. По словам митрополита Евгения (Болховитинова), автора «Словаря русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России», ломоносовское похвальное слово Елизавете Петровне «было таким примером панегирического красноречия, с которым тогда нечего было россиянам сравнять или, по крайней мере, нечего было предпочесть ему»⁸.

Как и церковные проповеди, ораторские слова Ломоносова, как правило, произносились вслух и поэтому ориентированы на прямое общение с аудиторией⁹. Так, например, полное название интересующего нас слова Ломоносова звучит так: «Слово Похвальное Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый и торжественный день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Ноября 25 дня, который празднован в Императорской Академии Наук публичным собранием Ноября 26 дня 1749 года, *говоренное* (курсив наш. — Е. М.) Михайлом Ломоносовым»¹⁰. Точно так же, как в церковных проповедях, у Ломоносова можно обнаружить обращения к слушающей публике (первое же предложение слова содержит обращение «слушатели»).

В начале панегирика содержится описание воображаемого видения с «высоты толикой, с которой бы могли мы обозреть обширность пространного Ея Владычества...»; автор сразу же делает масштаб своего повествования поистине грандиозным: он мысленно «взлетает» над огромным пространством Российской империи, и с высоты «птичьего полета» ему открывается удивительное зрелище: в городах, в селах, при морях, на реках, в полях, на горах и на холмах «разные обитатели разными образы, разные чины разным великолепием, разные племена разными языками едину превозносят, о единой веселятся, единою всемилостивейшею своею Самодержицею хвалятся»¹¹. Здесь сразу же бросаются в глаза самые устойчивые об-

⁷ См.: Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732—1764 гг. М.; Л., 1959. С. 954—956.

⁸ Евгений (Болховитинов), митр. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. В 2 т. Т. 2. М., 1845. С. 20.

⁹ См.: Елеонская А. С. Проблематика «слов» М. В. Ломоносова и русская ораторская проза переходного времени // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 126.

¹⁰ См.: Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 235.

¹¹ Там же. С. 236.

щие места ломоносовской торжественной оды — взгляд с высоты («парение»), изображение пространства с идеальной высоты, позволяющей увидеть многообразие российского ландшафта, «веселие народа», описание торжествующих людей разных сословий (описывается «чин священный», Российское воинство, градоначальники и граждане, земледельцы). Но, несмотря на эти повторяющиеся общие места, нельзя не заметить и существенной разницы, которая обнаруживается при сравнении торжественной оды и торжественного слова.

Н. Ю. Алексеева так охарактеризовала основу внутренней формы торжественной оды: «Исступление, энтузиазм, восторг организуют пиндарическую оду, являясь ее внутренней формой (...) В этом состоянии поэт видит „умными глазами“, „мысленным взором“ недоступное простому глазу. Восторгаясь духом в наднебесье, он парит и смотрит на все с идеальной высоты (...) Мысленному взору поэта открывается весь мир в его настоящем, прошлом и будущем, во всей его огромности и безбрежности. Это определяет пространство изображенного в оде мира: моря, горы, полюса, части света, огромная Россия — все доступно взору поэта и дано в едином фокусе его мысленного зрения»¹².

В качестве иллюстрации к этому высказыванию приведем начало знаменитой ломоносовской «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны» 1746 года:

На верх Парнаских гор прекрасный
Стремится мысленный мой взор,
Где воды протекают ясны
И прохлаждают Муз собор.
Меня не жажда струй прозрачных,
Но шум приятный в рощах зланных
Поспешно радостна влечет:
Там холмы и древа зывают
И громким гласом возвышают
До самых звезд Елисавет.

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря,
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем, и в тверди скрыться,
И тем почтить его приход.
Он блеск и радость изливает
И в красны лики созывает
Спасенный днесь российский род¹³.

Восторг, «парение», мысленный взор поэта, который охватывает громадное пространство, — все это здесь поэтическая реальность, такая реальность, которую «видит» одописец. Начало «Слова похвального Елизавете Петровне» отчетливо демонстрирует разницу между Ломоносовым-одопис-

¹² Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 192.

¹³ Ломоносов М. В. Стихотворения. Л., 1954. С. 100.

цем и Ломоносовым-оратором: «Естьли бы в сей пресветлый праздник, Слушатели, в которой под благословенною державою всемилостивейшия Государыни нашае покойющиеся многочисленныя народы торжествуют и веселятся о преславном Ея на Всероссийский престол восшествии, возможно было нам, радостию восхищенным, вознестись до высоты толикой, с которой бы могли мы обозреть обширность пространнаго Ея Владычества (...) коль красное, коль великолепное, коль радостное позорище нам бы открылось!»¹⁴ Можно увидеть сразу два принципиальных различия. Первое касается субъектной структуры: в оде использовано местоимение «я», в слове — местоимение «мы», в оде повествователь описывает *свой* восторг, в слове автор предлагает «воспарить» слушателям. Вообще, в тексте слова встречаются оба местоимения, но местоимение «я» используется Ломоносовым только в тех случаях, когда речь идет о нем самом как о создателе слова (т. е. имеет место авторская рефлексия)¹⁵. Второе различие между словом и одой заключается в следующем. В отличие от оды в торжественном слове восторг описан как предполагаемое условие (использовано сослагательное наклонение глаголов), здесь оратор отталкивается от реальности «настоящей», от ситуации произнесения своего текста перед слушателями (это подчеркивается и наличием самого слова «слушатели»). Поэтому оратор более рассудочен и «осторожен» с одическим восторгом, чем одописец¹⁶. Он не сразу «обрушивается» на читателя (в широком смысле слова), как например в ломоносовской «Оде на взятие Хотина» («Восторг внезапный ум пленил...»), а постепенно как бы готовит его к переходу в иную, художественную реальность. Второе предложение «Слова похвального» осуществляет этот переход: «Коль многоразличными празднующих видами дух бы наш возвеселился, когда бы мы себе чувствами представили, что во градах крепче миром, нежели стенами огражденных, в селах, плодородием благословенных, при морях, от военной бури и шума свободных, на реках, избытием протекающих между веселящимися брегами, в полях, довольством и безопасностью украшенных, на горах, верьхи свои благополучием выше возносящих, и на холмах, радостию препоясанных, разные обитатели раз-

¹⁴ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 235—236.

¹⁵ Впрочем, в этом случае может использоваться также и местоимение «мы». Например, в последнем предложении идет речь об основной цели написанного (произнесенного) панегирика — «искреннюю ревность и рабскую ревность нашу Величеству Твоему (...) засвидетельствовать» (Там же. С. 256). Здесь Ломоносов использует местоимение «мы», в финале слова, очевидно, желая подчеркнуть, что в панегирике выражена не исключительно его точка зрения, а точка зрения «корпорации» (Академии наук) или — шире — всего русского народа.

¹⁶ В этой связи интересны выводы, сделанные в работе М. И. Панова и А. М. Ранчина: «Поэтическое парение в оде заменяет принципы логической организации речи похвального слова, которые во многом основаны на умозаключениях и силлогизмах и допускают даже очень рассудочные конструкции: „Следовательно, похвалая Петра, похвалим Елисавету“ (...) Большая рассудочность построения похвальных слов отразилась и в различиях пространственно-временной организации панегириков и од. Хотя парящий взгляд „сверху“ характеризует и панегирики и оды (...) однако пространство в ломоносовских похвальных словах локализовано в пределах России и пограничных государств (...) Смещение его с пространством мифологическим или условно-поэтическим исключается (...) Большая рассудочность построения речи похвального слова обусловила отличие панегирика от оды в самом характере их образности. Персонификации, метафоры панегирика можно условно назвать риторическими образами: они не содержат какой-либо информации, которую нельзя было бы выразить в лишенном образов тексте» (Панов М. И., Ранчин А. М. Торжественная ода и похвальное слово Ломоносова: Общее и особенное в поэтике // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 178—179).

ными образы, разные чины разным великолепием, разные племена разными языками едину превозносят, о единой веселятся, единою всемилостивейшею своею Самодержицею хвалятся»¹⁷. В пределах этого предложения сослагательное наклонение глагола сменяется изъявительным, и больше частица «бы» не появляется в тексте слова. Даже когда Ломоносов вновь упоминает о «мысленном взоре», предполагаемость действия уже не подчеркивается, например: «Часто мысленный взор наш, обозрев разные торжеств образы, благословенное Ея владение в день сей украшающее, на пресветлое Ея лице обращается и рассеянные повсюду увеселения на нем едином находят»¹⁸. Однако напоминание о ситуации произнесения слова в Академии наук несколько раз появляется в тексте панегирика (например, автор упоминает «сие (курсив наш. — Е. М.), для распространения наук в России Петром Великим установленное общество»)¹⁹.

В прозаическом панегирике Ломоносов пытается «аналитически» объяснить природу своего восторга, установить соотношение между реальностью поэтической (в широком смысле слова) и реальностью «настоящей», объяснить сам переход к «парению». Ср.: «Но, хотя естественны пределы сил человеческих не позволяют радостному взору нашему до толикаго возвышения достигнуть и толиким зрением насладиться, однако духом возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаем и всеобщия увеселения повсюду видим умными очами»²⁰.

Ломоносов открыто говорит об источнике своего панегирического восторга — своей духовной способности «воспарить», которая существует вопреки ограниченности человеческих сил. Автор обретает уверенность в себе из самой избранной им темы: «Велико дело и меру моего разума превосходящее предприемлю, когда (...) величайшей не свете Государыне благодарение и похвалу приносить начинаю. Но, рассудив прилежно, обретаю оное легко и способно, ибо где обильнейшую материю сыскать красноречие, где обширнее распространиться разум, где быстрее устремиться искренная ревность может, как в преславных добродетелях толь великия Монархини?»²¹

Кратко перечисляя в самом начале слова достоинства императрицы, Ломоносов обращает внимание на гармонию внешнего и внутреннего в ее образе: обратившись к ее «пресветлому лицу», мы видим «истинное благочестие», «мужественную бодрость», «кроткое правосудие», «прозорливую премудрость», «сладчайшия уста (...) повелевающия (...) ободрить начинающия науки, не щадя своих иждивений»²². Последнее достоинство императрицы подводит к одной из главных тем «Слова похвального...» и всей ораторской прозы Ломоносова — к теме науки. Исследователи уже давно обратили внимание на соотнесенность каждого ломоносовского слова (в том числе и панегириков) с научной сферой²³. Тема науки, заявленная в самом начале «Слова похвального...», получает развитие в заключительной части, где Ломоносов, описывая роль каждой науки (астрономии, физики, географии, истории, стихотворства, философии, химии, механики, матема-

¹⁷ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 236.

¹⁸ Там же. С. 237.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 238.

²² Там же.

²³ См.: Елеонская А. С. Проблематика «слов» М. В. Ломоносова... С. 135.

тики), доказывает, что «нет ни единого места в просвещенной Петром Россией, где бы плодов своих не могли принести науки; нет ни единого человека, который бы не мог себе ожидать от них пользы»²⁴. Как отмечает А. С. Елеонская, «из средства панегирического изображения они (науки. — Е. М.) сами становятся объектом похвалы»²⁵.

После обширной экспозиции Ломоносов переходит собственно к основному предмету речи — к похвале императрицы. Причем похвала осуществляется не прямо, а «через благодарение». В огромном предложении-периоде череда благодарностей за конкретные благодеяния сопровождается перечислением «добродетельных свойств» «великой Монархини»: «Не снижением многословного мыслей распространения увеличено, не витиеватым сложением замыслов или пестрым преложением речений украшено, ниже риторским парением возвышено будет мое слово, но все свое пространство и величество от несравненных свойств Монархини наша, всю свою красоту от прекрасных Ея добродетелей и все свое возвышение от устремления к Ней искрения ревности примет, ибо приносится благодарение Государыне благочестивейшей — свидетельствуют созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощения, молебства и трудныя путешествия благоговения ради; приносится Государыне мужественной — свидетельствуют над внутренними и внешними врагами Ея славныя победы; приносится благодарение Государыне великодушной — свидетельствуют прощенные преступления внутренних и продерзости внешних неприятелей и кроткое наказание Ея злодеев; приносится благодарение Государыне премудрой — свидетельствуют прозорливо предприемлемыя учреждения, внутреннее и внешнее спокойство утверждающия; приносится благодарение Государыне человеколюбивой — свидетельствует матернее к подданным Ея снисходительство и возлюбленная к ним кротость; приносится благодарение Государыне премилосердой — свидетельствует безчисленное множество свободенных от смерти и данный Ей от Бога мечь на казнь повинных, кровию еще не обгаренный; приносится благодарение Государыне прещедрой — свидетельствует преизобильное снабдение верности, избыточествующее заслуг награждение, споможение добродетельной скудости и восстановление несчастием разоренных»²⁶. Для современного читателя это предложение воспринимается как своеобразный оксюморон — что еще можно видеть в нем, как не «риторское парение», от которого пытается в начале откеститься Ломоносов? Такой прием подчеркнутого мнимого «антириторизма» традиционен для ораторской прозы XVIII в., причем он встречается как в светских, так и в церковных произведениях. В частности, его можно встретить в проповедях митрополита Платона (Левшина), на что обратил внимание В. П. Зубов: «Платон любил играть в простоту, любил подчеркнуть нериторичность своей проповеди. „Да не почитаем его [наставления] молю, за одно витийствующего проповедника разглагольствование: нет здесь; да и не нужно витийство: есть одна простая истина, красна исполнением своим”». Но ясно, что этот антириторизм лишь утонченная форма риторики»²⁷. Ср. также высказывание крупнейшего проповедника елизаветинской эпохи Ге-

²⁴ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 252.

²⁵ Елеонская А. С. Проблематика «слов» М. В. Ломоносова... С. 136.

²⁶ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 239.

²⁷ Зубов В. П. Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди. М., 2001. С. 96.

деона Кривовского в предисловии к сборнику своих проповедей: «Да поне-сет великодушно Ваше Священнейшее Императорское Величество, что сия, никакой внешней красоты не имеющая (хотя по внутреннему своему содержанию и пребогатая), убогаго труда моего книга пред Высочайшим Лицем Вашим предстать дерзновение приняла»²⁸.

Далее Ломоносов переходит к краткой характеристике предков императрицы (в еще одном предложении-периоде автор говорит об их «славных делах»). Перечисляя предков Елизаветы, Ломоносов использует любопытный риторический прием — фигуру умолчания (говорящий объявляет, что не будет говорить о каких-либо вещах, но, перечисляя, этим и говорит о них²⁹). Описывая заслуги царя Михаила Федоровича, автор говорит: «...описал бы (курсив наш. — Е. М.) я ныне вам младаго Михаила, для стенания и слез прадедов наших приемлющаго с венцем Царским тяжкое бремя поверженные России, обновляющаго рассыпанные стены, сооружающаго разоренные храмы, собирающаго расточенных граждан, наполняющаго расхищенные государственные сокровища, исторгающаго корень богоотступных хищников Российского престола и Москву от жестокаго поражения и глубоких ран исцеляющаго»³⁰. Далее он столь же пространно рассказывает о заслугах Алексея Михайловича, Петра I и Екатерины I (все это в одном предложении, которое занимает целую страницу), после чего говорит: «...но слово мое к собственным добродетелям и достоинствам Монархини наша спешает»³¹. Тот же прием используется и дальше: «...не изображаю словом блистающия лепоты лица Ея (...) ни величественной главы, к ношению венца рожденной, ни уст, щедроту источающих, ни очей, воззрением оживляющих (...) не представляю внешних Монархини наша достоинств, но внутренния душевныя токмо изобразить потщусь Ея дарования»³². Говоря «описал бы», Ломоносов на самом деле описывает, говоря «не изображаю», «не представляю» — на самом деле изображает и представляет.

Первое качество Елизаветы, на котором останавливается автор слова, — это благочестие и забота о православии в России. Здесь Ломоносов использует прием, который можно обнаружить в церковных проповедях XVIII в., — по терминологии «Краткого руководства красноречию», фигуру «заимословия» («когда то, что самому автору или представляемому от него лицу говорить должно, отдается другому лицу, живому или мертвому, или и бездушной вещи»³³): «Российская церковь, блистая порфиною и златом и паче радостию сияя, возвышается, окружена славою, к пресветлому жениха своего престолу и, показуя ему свое великолепие, вешает: „Так украшает меня на земли возлюбленная Твоя Елисавета — украси державу и венец Ея не увядающею добротою славы”»³⁴.

²⁸ Геден (Кривовский), еп. Собрание поучительных слов, при высочайшем дворе ска-занных ... Епископом Геденом. Изд. 4-е. Ч. 1. М., 1855. С. 1.

²⁹ Гаспаров М. Л. Умолчание // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. С. 1115. В «Кратком руководстве к красноречию» дается такое определение этой фигуры: «Умолчанием или перерывом называется неоконченный разум в слове, по котором другой начинается» (Ломоносов М. В. ПСС. Т. 7: Труды по филологии. 1739—1758 гг. М.; Л., 1952. С. 277).

³⁰ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 240.

³¹ Там же. С. 241.

³² Там же.

³³ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 7. С. 270.

³⁴ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 242. Фигура «заимословия» используется в «Слове похвальном...» несколько раз. В частности, в заключительной части слова, после похвалы

Второе важное качество императрицы — это мужество, «которому ни внутри России вкоренившиеся, ни отвне наступающие неприятели не могли стать противу»³⁵. Как и проповедники елизаветинского времени, Ломоносов описывает ситуацию дворцового переворота 1741 г.: «Чудное и прекрасное видение в уме моем изображается, когда себе представляю, что предходит со крестом Девица, последуют вооруженные воины. Она отеческим духом и верою к Богу восплаляется, они ревностию к Ней пылают; Она исполнить желание всех Россиян, они изволение Тоя совершить поспешают; Она, приближаясь к победе, кровопролитной победы не желает, они всему свету стать противу за Оную усердствуют»³⁶. Этот фрагмент ломоносовского слова очень схож с описанием разговора Елизаветы с солдатами в «Слове в высочайший день рождения императрицы Елисаветы Петровны» (1741) архиепископа Амвросия (Юшкевича). Наследница обращается к солдатам с вопросом: «Кому ж верно служить хотите? Мне ли, природной Государыне, или другим, незаконно Мое наследие похитившим?»³⁷ Солдаты же в ответ «все единогласно закричали»: «ТЕБЕ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ, за ТЕБЯ последнюю каплю крови излить готовы; мы того давно желаем и дождаемся, ныне время благополучное, ныне день приспел Российскаго спасения»³⁸. И, как замечает автор, завершая описание сцены разговора, «сие сказавши, и ко Кресту святому приложившись, начали о имя Господне исправлять дело свое, и зделали то в один час, что иные делали чрез многия лета, и со многим кровопролитием»³⁹.

Еще один мотив, который также можно встретить в проповедях, — мотив «оживотворящегося» Петра. Ломоносов, описывая реакцию «приступающих уже к пределам нашим кичливых сопостатов»⁴⁰ на восшествие на престол Елизаветы, пишет: «Изображался в уstraшенных умах их Петр Великий, в мужественной Своей Дщери живущий»⁴¹. (Ср. мысль, высказанную в «Слове на день коронации Елизаветы Петровны» Гедеона Криновского: Бог «наполнил лишшение, когда пресекавшееся законное престола Петрова наследие чудным Своим промыслом возвратил дщери Петровой (...) возродил (...) надежду еще как бы ожившего в семени своем видеть непобедимейшаго того Императора»⁴².)

С военными победами связано третье «сродное Государыни (...) свойство» — «поступать со врагами великодушно». По мысли автора, оно проявляется и в том, что императрица долгое время, имея права на престол, оставалась в тени («изволила наследной Своей короны до времени лишаться,

наукам, автор, обращаясь к «Российским юношам», передает часть своих мыслей в виде прямой речи императрицы: «Августейшая Императрица, довольствуя вас своею казною, матерски повелевает: „Обучайтесь прилежно. Я вижу Российскую Академию, из сынов Российских состоящую, желаю; поспешайте достигнуть совершенства в науках: сего польза и слава отечества, сего намерение Моих Родителей, сего Мое произволение требует”» (Там же. С. 254).

³⁵ Там же. С. 243.

³⁶ Там же.

³⁷ Амвросий (Юшкевич), архиеп. Слово в высочайший день рождения императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1741. С. 12.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 244.

⁴¹ Там же.

⁴² Гедеон (Криновский), еп. Собрание разных поучительных слов, при высочайшем дворе ея императорскаго величества сказыванных придворным Ея Величества проповедником Иеромонахом Гедеоном. Т. 1. СПб., 1755. С. 272.

нежели оной достигать пролитием крови»⁴³), и в том, что уже после дворцового переворота «на лютую смерть и на растерзание осужденных токмо отдалением от пресветлаго лица Своего наказует, недостойных жизни токмо самовольная жизни лишает»⁴⁴, и даже во внешней политике («отпустив врагам своим предерзость, мир и тишину (...) возвращает»⁴⁵).

Четвертое достоинство Елизаветы — мудрость — Ломоносов показывает, используя традиционный топос тишины и прием развернутой метафоры: «Искусный мореплаватель не токмо в страшное волнение и бурю, но и во время кротчайшей тишины бодрствует, укрепляет орудия, готовит парусы, наблюдает звезды, примечает перемены воздуха, смотрит на восстающая тучи, исчисляет расстояние до берегов, мерит глубину моря и от потаенных водою камней блюдется». Елизавета даровала России «тишину», символ идеального государства, и уже в этом, по мнению Ломоносова, заключается ее мудрость. Оратор с восторгом обращается к России со словами: «Покойся в радости, возлюбленное отечество, и безмятежным веком под кровом премудрыя Твоея Повелительницы наслаждайся»⁴⁶. Здесь возникает и развивается антитеза «мы—другие», создается типичный для всего ломоносовского творчества образ незыблемого, гармоничного государства Российского, положение которого «несравненно с прочими»⁴⁷. Ломоносов демонстрирует единение народа и монархини, «надежный страж Величества, — пишет он, — любовь подданных»⁴⁸. В описании Елизаветы появляется почти лирическое начало: императрица, по словам Ломоносова, отличается от своих подданных «не кичливым воззрением, не уничтожительным гласом, не страшным повелением, но прекрасным Величеством, тихою властью, благородным снисхождением и некоторою божественною силою, влияющею несказанную радость в сердца наши»⁴⁹. Автор, противопоставляя императрицу садовнику, который «только об одном истреблении терния печется», сравнивает ее с садовником, который «древя плодоносныя и процветающия травы в пристойное время орошает» и тут же расшифровывает смысл своей небольшой «притчи»: «Хотя и полезно есть строгое над повинными исполнение законов, но без награждения добродетели тщетно и больше приводит в уныние добрых, нежели злых исправляет; напротив того, награждение добродетели и снабдение заслуг при кротком наказании пороков едино сильно к исправлению нравов человеческих довольно, ибо, чувствуя себя презренных и погранных злые и видя возвышенную добродетель, на-

⁴³ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 245.

⁴⁴ Там же. С. 246. Здесь, по-видимому, имеются в виду приговоренные к четвертованию Остерман и Миних, казнь которых Елизавета заменила ссылкой.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 248. Интересно, что топос «мира и тишины» является общим местом пастирика как светского, так и церковного; в частности, его можно обнаружить в проповеди уже цитированного нами ранее архиепископа Амвросия Юшкевича «На заключение между короною Шведской и Россиею мира». О нем Э. Л. Афанасьев писал: «В ценностной иерархии выдающегося проповедника „мир“ и „тишина“ занимают самое высшее место (...) Оды Ломоносова хронологически соседствуют, по времени они принадлежат одному десятилетию. Это согласие, сходство весьма симптоматично: видение государства великим ученым, выдающимся поэтом и замечательным церковным проповедником сходно» (*Афанасьев Э. Л. Церковная проповедь елизаветинского времени о Западе и России // Россия и Запад: Горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726—1762). Вып. 2. М., 2003. С. 636*).

⁴⁷ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 248.

⁴⁸ Там же. С. 249.

⁴⁹ Там же.

слаждающуюся праведною своею мздою, завистью угрызаемы истают или, обратившись ревностным подражанием того же, достойными себя учинить стараться будут»⁵⁰.

В заключительной части слова, после гимна наукам, Ломоносов подводит итог, и возникает традиционная тема церковного панегирика — тема Божьего промысла: «Таковых Монархов посылает Бог на землю, когда он смертных милует»⁵¹. Завершается слово обращением к императрице («Красуйся великими сими вышняго дарами, Всемиловнейшая Государыня...»⁵²). При обращении к императрице используется местоимение «Ты», причем оно сохраняется и в официальном титуле (например, в последнем предложении слова: «Величеству Твоему»). Однако, по-видимому, у самого Ломоносова этот случай вызывал сомнения, так как первоначально в рукописи в этом месте стояло «Величеству Вашему»⁵³. Но поскольку этот пример в слове единственный, Ломоносов, вероятно, решил унифицировать обращение и избежать смешения местоимений единственного и множественного числа⁵⁴.

Последнее предложение ломоносовского панегирика интересно также тем, что в нем вновь поднимается тема риторики: «Наше неописанное удовольствие и крайняя благодарность хотя никоим красноречием изображены быть не могут, однако искреннюю ревность и рабскую ревность нашу Величеству Твоему сим засвидетельствовать тщимся по мере сил наших, ведая, что Бог и Божию власть на земле имеющие не столько на хитросплетения риторския, сколько на чистое усердие взирают»⁵⁵. Казалось бы, Ломоносов здесь резко противопоставляет «хитросплетения риторския» и «чистое усердие». Но сама форма этого противопоставления («столько — сколько») указывает скорее на некий синтез того и другого в творчестве Ломоносова. При этом «чистое усердие», безусловно, оказывается важнее «хитросплетений риторских». Говоря о торжественных одах Ломоносова, Н. Ю. Алексеева писала: «Нет никаких оснований для возникшей в XIX веке легенды о заказном характере од Ломоносова (...) Русская ода была свободным выражением верности»⁵⁶. В финале своего первого ораторского произведения Ломоносов также делает акцент на искренности, которая, несмотря на заказной характер «Слова похвального...», безусловно, лежит в основе его панегирика.

⁵⁰ Там же. С. 250—251.

⁵¹ Там же. С. 255—256.

⁵² Там же. С. 256.

⁵³ См.: Там же.

⁵⁴ Любопытно, что в поэзии Ломоносов, наоборот, в ряде случаев использует при обращении к государыне местоимение «вы», причем не в формальном назывании титула императрицы. Е. А. Погосян анализирует один такой пример — стихотворение (не ода!), посвященное Екатерине II, «О небо, не лишай меня очей и слуха». По словам Е. А. Погосян, «оно неожиданно для Ломоносова и для панегирической русской традиции (...) потому, что (Ломоносов. — Е. М.) обращается к монархине на „вы“».

Блажен, кто зрит чудясь монарши дива в вас,
Блажен, кто слышит ваш, Екатерина, глас Приятной,
Любимой быть, владеть судьба вас одарила.

(...) Обращение к монархине на „вы“ в личной беседе — это обращение к ней как к лицу, персоне. Введение такого обращения в панегирический по своей идиоматике текст трансформирует объект панегирика» (Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730—1762 гг. Тарту, 1997. С. 121).

⁵⁵ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 256.

⁵⁶ Алексеева Н. Ю. Русская ода... С. 179.

Говоря о проблематике ломоносовского слова, мы обращали внимание на черты, объединяющие его с традицией церковного ораторского искусства. Однако, несмотря на отчетливое влияние этой традиции, важно подчеркнуть, что «Слово похвальное...» явилось одним из первых образцов панегирика нового типа — панегирика светского, по ряду существенных признаков противопоставленного церковной проповеди. Основное отличие церковного панегирика от панегирика светского — *телеологическое*. Слова первого типа произносились с церковной кафедры священнослужителями, а слова второго типа — светскими людьми. Панегирик, произносимый в церкви духовным лицом, во-первых, доказывал действие неких религиозных законов (в том числе и самой царствующей особе, которой был адресован), а уже во-вторых — выполнял функцию похвалы. Именно поэтому в церковных словах всегда важен элемент дидактики; в них содержатся многочисленные обобщения и отступления от основной панегирической темы, некоторые из которых, как кажется, вообще противоречат панегирическому дискурсу (например, в словах елизаветинской эпохи — тема легитимности правления Елизаветы Петровны). Промысел Божий — это основная тема церковного панегирика. В светских словах тема Божьего промысла также присутствует, однако здесь она не является ключевой для всего произведения. Не «заслоняют» похвалы в светском панегирике и отступления (в рассматриваемом нами слове Ломоносова — отступление о науках).

В церковных панегириках крайне важны «аналогии» — включение описываемых событий в контекст мировой истории, главным образом через их сопоставление с сюжетами библейской и античной истории и мифологии. В светском же панегирике таких отсылок значительно меньше; в рассмотренном слове Ломоносова они отсутствуют вовсе. С тенденцией «освобождения от аналогий» связано и редкое использование в светских словах эпиграфа, который является обязательным элементом слова церковного и подчиняет себе весь дальнейший текст проповеди. Таким образом, в светском похвальном слове, которое в отличие от церковной панегирической проповеди претендует на некую «самоценность», на первый план выходит собственно панегирическая функция, подчеркивающая и усиливающая индивидуально-авторское начало⁵⁷.

⁵⁷ Подробнее о двух разновидностях (церковной и светской) прозаического панегирика в русской ораторской прозе середины XVIII в. см.: *Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII века (панегирик в светской и духовной литературе) / Автореф. ... канд. филол. н. СПб., 2007; *Матвеев Е. М.* 1) Церковный панегирик в русской ораторской прозе середины XVIII века // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. Вып. 2. Ч. II. Июнь 2007. С. 35—41; 2) Светский прозаический панегирик в ораторской прозе середины XVIII века // Литературная культура России XVIII века. Вып. 2. СПб., 2008. С. 41—52.

